

3-й экз

НОВОЕ СЛОВО

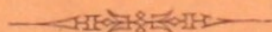
ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 4

ЯНВАРЬ

1896.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Бегинны и бегарды.

(The end of the middle ages. Essays and questions in history, by A. M. Robinson).

I.

Рѣдкая эпоха представляетъ для изслѣдователя больше живого и глубокаго интереса, чѣмъ то переходное время, которое принято называть концомъ среднихъ вѣковъ и которое обнимаетъ XII-е, XIII-е, XIV-е и отчасти XV-е столѣтія. Смотрѣть ли на этотъ періодъ, какъ на время ликвидаціи стараго экономического строя, или какъ на отправной пунктъ тѣхъ коренныхъ измѣненій въ формахъ гражданскаго и политическаго быта, дальнѣйшая эволюція которыхъ наложила печать на всю послѣдующую историческую жизнь Западной Европы,—все равно. Нужно придти къ одному заключенію: въ теченіе XII—XV вѣковъ во всѣхъ общественныхъ союзахъ средневѣковаго міра происходитъ медленная, неуклонная и непрерывная революція, понемногу отодвигающая на задній планъ тѣ бытовые и государственныя формы, въ которыя вылился средневѣковый строй, или такъ измѣняющая эти формы, что онѣ въ значительной степени утрачиваютъ свой прежній видъ и характеръ. Новые запросы и требованія предъявляются къ жизни, къ царящей дѣйствительности, и дѣйствительность то борется съ ними, то пытается дать какой-нибудь отвѣтъ на нихъ, но нигдѣ не остается вѣрною своему средневѣковому настроенію, нигдѣ уже мы не видимъ ее величавой, неподвижной и спокойной. Единство мысли европейскаго человѣчества исчезаетъ, и исчезаетъ затѣмъ, чтобы уже никогда не появляться. И если въ дѣлѣ отношенія къ различнымъ устоямъ частной и политической жизни мы видимъ, что человѣческая мысль рѣшительно отказывается слѣдовать по своему прежнему пути, если въ бытовыхъ и общественныхъ вопросахъ она перестаетъ течь по общему, проторенному руслу, а разбивается на множество мелкихъ ручейковъ, изъ которыхъ каждый ищетъ своей дороги, то ясно до очевидности, что въ области, гораздо болѣе интимной, болѣе волнованшей умъ и сердце человѣка среднихъ вѣковъ,—въ области

религіозныхъ вѣрованій—этотъ расколъ, замѣнившій прежнее единство мысли, долженъ былъ сказаться сильнѣе и обнаружиться замѣтнѣе. Для того, чтобы правильнѣе взвѣсить и оцѣнить реакцію противъ всемогущей римской теологической доктрины, нужно только уяснить себѣ, какую роль играла эта доктрина въ періодъ, непосредственно предшествовавшій времени реакціи. Распространяться объ этомъ слишкомъ хорошо извѣстномъ предметѣ я считаю лишнимъ; укажу лишь на одну черту, развившуюся подъ вліяніемъ католицизма и бросающуюся въ глаза всякому, кто знакомится съ исторіей европейской мысли въ средніе вѣка,—на необычайное, изъ ряда вонъ выходящее тяготѣніе ума, чувства и воображенія въ сторону представлений о загробномъ мірѣ, на совершенно исключительный интересъ, который обнаруживаетъ въ эти темные годы европейское общество къ всевозможнымъ сагамъ и вымысламъ о судьбѣ человѣка послѣ смерти, о его замогильномъ скитальчествѣ, о ждущихъ его наградахъ и наказаніяхъ. Правда, общій характеръ всѣхъ этихъ представлений обусловливался взглядами господствующей религіи; правда, даже и тутъ уму и воображенію ставился предѣлъ, котораго переходить нельзя было; но граничившій съ мономаніей интересъ къ загробной жизни не былъ дѣломъ рукъ церкви: какъ и всякое слишкомъ сильное чувство, онъ не могъ быть созданъ и поддерживаемъ искусственно. Это направленіе мысли, *otherworldliness*,—какъ удачно называетъ его одинъ современный англійскій писатель ¹⁾,—представляло собою въ высшей степени важную и любопытную черту общественной патологіи того времени. Рамки для работы воображенія въ области грезъ о загробномъ мірѣ опредѣлялись католическою догмою, и самая работа никогда не стояла въ оппозиціи съ ученіемъ церкви; тутъ фантазія только стремилась до мельчайшихъ деталей освѣтить давныя религіи, касающіяся этого предмета, и ярче изобразить предъ вѣрующими то грозное будущее, къ которому все живущее приближается съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой. Когда наступила реакція противъ католической догмы и церковности, когда скептики поздняго возрожденія начали сводить счеты съ римскими тюремщиками, сторожившими плѣнную человѣческую мысль, и указывать на всю дряхлость и непригодность темницы, въ которой она сидѣла тысячу лѣтъ,—тогда, конечно, не удѣляла и мистика, шедшая рука объ руку съ господствовавшими въ средніе вѣка ученіями. Всѣ воздушные замки, которые она строила такъ долго и съ такимъ изумительнымъ трудо-

¹⁾ John Owen, см. *The skeptics of the Italian Renaissance*, 1893.

любимъ, были забыты; всѣ лукавыя мудрствованія, относившіяся къ жизни въ раю и аду, перестали занимать общество, хотя раньше оно такъ интересовалось ими, какъ интересуются люди рассказами объ известной мѣстности, которую они облюбовали и въ которой собираются провести остатокъ дней своихъ. Но эта переменна произошла только лишь въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ. До тѣхъ поръ глухое броженіе, недовольство и неудовлетворенность римскимъ догматомъ и римской моралью обнаруживались несомнѣнно, хотя и не принимали никогда философски-скептического характера. Сильное развитіе еретическихъ ученій, ужасныя и въ своемъ родѣ единственныя умственные эпидеміи, всеобщій страхъ предъ колдовствомъ и нечистой силой, страхъ, внезапно оковывавшій цѣлыя деревни и провинціи,—вотъ тѣ явленія, которыя характеризуютъ XII, XIII и XIV вѣка. Это были все такія знаменія времени, которыя слишкомъ ясно показывали, что полное и нераздѣльное господство римской доктрины отходить въ область прошедшаго. Люди метались во всѣ стороны, мучительно недоумѣвая, гдѣ найти имъ замѣну того, что когда-то отвѣчало на всѣ запросы ихъ ума, чувства и совѣсти, не зная, на чемъ остановиться, какъ примирить цѣлую бездну внутреннихъ противорѣчій, возникавшихъ отъ хаотическаго смѣшенія обломковъ прежнихъ самодовлѣющихъ убѣжденій съ беспорядочной грудой новыхъ, жадно отовсюду ловимыхъ и усвоиваемыхъ взглядовъ и понятій. И вотъ, въ это-то время возникаетъ одно движеніе, имѣющее живые и несомнѣнные корни въ средневѣковой мистикѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, носящее совершенно опредѣленный характеръ, свойственный явленіямъ переходнаго времени. Я говорю о бегинахъ и бегардахъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, писалось слишкомъ мало за границей, а еще меньше у насъ. Движенію бегинъ и бегардовъ посвящены первыя главы не такъ давно вышедшей книги Робинзона—*The end of the middle ages*. Эти главы, кстати сказать, представляютъ изъ себя самую интересную и оригинальную часть всей книги, которая въ остальномъ носитъ характеръ собранія компилятивныхъ набросковъ на всевозможныя историческія темы. Первыя же главы настолько занимательны, какъ по самому сюжету, такъ и по выполненію, что настоящій очеркъ, имѣющій цѣлью познакомить съ ними, можетъ представить, какъ мнѣ кажется, известный интересъ.

II.

Двѣнадцатое столѣтіе наполнено непрерывными войнами, которыя страшно истребляли мужское населеніе Европы. Особенно

въ этомъ смыслѣ замѣчательны были крестовые походы, куда люди устремлялись сотнями тысячъ и откуда возвращались лишь очень немногіе. Конечно, такое обстоятельство не могло не вліять тягостно на экономическое положеніе цѣлой массы семействъ, безвременно лишившихся своихъ кормильцевъ. По большей части эти семейства оставались совершенно безъ всякихъ средствъ къ существованію и разбредались по разнымъ странамъ свѣта,—кто выпрашивая милостыню, кто посвящая себя грабеджамъ на большихъ дорогахъ, кто, наконецъ, нанимаясь на поденную работу. Положеніе женщинъ въ этихъ несчастныхъ семьяхъ было особенно ужасно. Подаяніе являлось единственнымъ источникомъ добыванія пищи для тѣхъ изъ нихъ, которыя не могли или не хотѣли поступить въ притоны общественнаго разврата. На почвѣ такого страшнаго экономическаго кризиса возникаетъ новое движеніе, которое охватываетъ въ короткое время огромную территорію и очень скоро обнаруживаетъ всѣ признаки силы и долговѣяности, свойственные явленіямъ, служащимъ отвѣтомъ на глубокія и реальныя нужды дѣйствительности.

Въ 1180 году одинъ священникъ города Льежа—Ламбертъ—горячо и убѣдительно доказывалъ съ церковной кафедры своимъ слушателямъ, что рѣшительно необходимо оказать матерьяльную и нравственную поддержку несчастнымъ вдовамъ и дочерямъ людей, ушедшихъ въ Палестину и отдавшихъ тамъ свою жизнь за общее дѣло всѣхъ христіанъ. Ламбертъ посвятилъ много проповѣдей развитію своихъ мыслей объ этомъ предметѣ—и его старанія увѣнчались успѣхомъ: прихожане, любившіе и уважавшіе своего патера, не скупились на пожертвованія, иногда довольно значительныя. Когда денегъ собралось достаточно, Ламбертъ выстроилъ за городомъ рядъ небольшихъ домиковъ, церковь, госпиталь и поселилъ въ этихъ домикахъ бѣдствовавшихъ женщинъ Льежа. Это общежитіе любопытно своею полною обособленностью и отличіемъ отъ всевозможныхъ религіозныхъ ассоціацій того времени. Поступая туда, женщины не давали никакихъ обѣтовъ, не связывали себя никакими обязательствами: во всякое время онѣ могли выйти оттуда и начать вести тотъ образъ жизни, который придется имъ болѣе по душѣ. По большей части, конечно, контингентъ сестеръ въ этомъ общежитіи пополнялся изъ рядовъ бѣднѣйшаго населенія, но бывали нерѣдко случаи поступленія въ общину и женщинъ высшаго круга и обезпеченнаго состоянія. Часть дня сестры посвящали молитвѣ, а въ остальное время кто занимался пряжей и вязаньемъ, кто уборкой комнатъ, кто работой по домашнему хозяйству. Во всякое время дня женщины свободно выходили въ городъ; вообще, онѣ отнюдь не пре-

рывали общенія съ городскими жителями и весьма часто предлагали безвозмездно свои услуги въ качествѣ сидѣлокъ при больныхъ, умирающихъ, въ качествѣ приходящихъ работницъ и т. д. Новое общеніе вскорѣ стало очень популярно въ городѣ и далеко за предѣлами его, и уже съ самаго начала XIII вѣка мы встрѣчаемъ безпрестанно то въ той, то въ другой хроникѣ упоминаніе о сестрахъ новаго братства, о «бегинахъ», какъ онѣ тамъ называются. Происхожденіе этого названія довольно темно. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе, производящее слово «бегина» отъ *béguе*—по связи съ памятью основателя общины, священника Ламберта, котораго называли *Lambert le Béguе* (заика), вслѣдствіе очень замѣтнаго недостатка въ произношеніи. Новое движеніе распространилось съ невѣроятной быстротой въ Нидерландахъ, Франціи и Германіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число сестеръ достигало очень крупной цифры (въ Камбрѣ 1.000 чел., въ Кельнѣ ²2.000). Весьма понятно, почему такъ быстро распространилось свѣтское общество бегинъ: указанныя выше причины разоренія огромной массы семействъ были въ той или другой степени общи всей Европѣ, всюду ощущалась нужда въ такихъ учрежденіяхъ, которыя давали бы кровъ женщинамъ, нежелавшимъ жить милостыней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боявшимся полного отреченія отъ свѣта и суроваго режима тогдашнихъ женскихъ монастырей. Помимо этихъ причинъ, новыя общества привлекали своимъ особеннымъ, оригинальнымъ, полусвѣтскимъ, полумонастырскимъ строемъ жизни много тревожныхъ натуръ, которыя въ бегинизмѣ пытались найти нравственное успокоеніе, потерянное дома, въ привычной жизненной обстановкѣ. Первые десятилѣтія существованія общества бегины просто поражаютъ своей неутолимой жадной добрыхъ дѣлъ, своей религіозностью, которою онѣ превосходили монахинь, своею безграничной готовностью пожертвовать собою для Бога-ли, для людей-ли—все равно. Мы видимъ между бегинами начала XIII-го вѣка такой сильный подъемъ духа, такую интенсивность чувства вѣры и братской любви къ людямъ, что поневолѣ вспоминаются первые годы возникновенія одной изъ міровыхъ религій. Кажется, что напряженность коллективной нервной системы европейскаго общества нашла себѣ здѣсь нѣкоторый исходъ и что движеніе бегинъ представляетъ собою одинъ изъ клапановъ, черезъ которые прорывались и безвыходная тоска, и недоумѣніе, и страхъ передъ будущимъ, и совершенно невыносимое для примитивныхъ умовъ чувство раздвоенности, отличавшее людей въ концѣ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ смыслѣ можно сопоставить, мнѣ кажется, движеніе бегинъ съ появленіемъ конвульсіонеровъ: это феномены

если не одного порядка, то въ значительной степени общаго происхожденія. Очень жаль, что авторъ разбираемой книги прошелъ мимо этой важной стороны дѣла и остановился, главнымъ образомъ, лишь на подробностяхъ факта возникновенія бегинизма.

Лучшее доказательство того, что быстрое распространеніе бегинъ было не случайнымъ явленіемъ, а послѣдствіемъ глубоко лежавшихъ, затаенныхъ нравственныхъ причинъ, мы можемъ найти при ознакомленіи съ обществомъ, возникшимъ, приблизительно, въ то же время и вскорѣ получившимъ названіе братства бегардовъ. Это общество во многомъ аналогично съ ассоціаціей бегинъ; оно не связывало своихъ членовъ ни какимъ уставомъ; пожалуй, оно и обществомъ не можетъ назваться, если понимать подъ этимъ словомъ собраніе лицъ, сплотившихся для какой-нибудь опредѣленной цѣли и добровольно подчинившихся извѣстному кодексу самостоятельно выработанныхъ правилъ. Члены братства набирались большею частью изъ ремесленныхъ классовъ; да и основаніе ему положили нидерландскіе ремесленники—ткачи, жестяники и пр. Послѣ трудового дня эти люди сходились въ какомъ-нибудь мѣстѣ, и тогда начинались безконечныя и жаркія пренія о душѣ, о назначеніи человѣка на землѣ, о судьбѣ его послѣ смерти, о природѣ Бога. Сколько внутренней тревоги сказывалось въ этихъ собесѣдованіяхъ, какъ мучило разговаривавшихъ то пѣнной мысли раздраженіе, которое собирало ихъ въ кружокъ! Нѣтъ болѣе труднаго и скучнаго дѣла, какъ излагать религіозную и философскую систему бегардовъ, потому что менѣе всего заслуживаетъ названія системы конгломератъ этическихъ, метафизическихъ и богословскихъ взглядовъ, который въ разное время и разными лицами приписывался имъ. Тутъ и неоплатоники, и пантеисты—послѣдователи Плотина и, пожалуй, ученики Томы Аквината встрѣтились бы съ такими мыслями и понятіями, которыя смутно напомнили бы каждому изъ нихъ собственныя убѣжденія, спутанныя и искаженныя. Но для насъ не интересны въ данномъ случаѣ черты мнѣній бегардовъ: достаточно сказать, что, стоя въ общемъ еще на почвѣ царившаго догмата, они все-таки далеко не могли похвалиться предъ римскимъ начальствомъ своимъ правовѣріемъ. Уже попытка самостоятельно мыслить объ извѣстныхъ предметахъ считалась преступленіемъ, уже охота къ теологическимъ спорамъ въ частномъ кругу должна была казаться опасной и пагубной. Не мудрено, что весьма часто впоследствии въ процессахъ еретиковъ обвинители ставятъ въ связь ту или другую ересь съ ученіями бегардовъ; что вскорѣ, какъ увидимъ ниже, они подвергаются ожесточенному преслѣдованію. Но,

повторяю, главный интерес заключается не въ религиозныхъ взглядахъ бегардовъ, а въ самомъ фактѣ появленія ихъ братства,—и въ этомъ отношеніи бегарды и бегины могутъ быть поставлены рядомъ, какъ показатели нравственнаго и идейнаго движенія своего времени. Стремленіе къ праведной жизни и поиски за отвлеченной истиной—вотъ двѣ центральныя черты, которыя отличаютъ первыхъ бегинъ и бегардовъ; безграничное поле мистики—вотъ почва, на которой выросли всѣ ихъ дальнѣйшія теоретическія построенія; неудовлетворенность ортодоксальными ученіями и гнетущая тоска, приистекающая отсюда,—вотъ ихъ *raison d'être*.

III.

Число бегинъ и бегардовъ увеличивалось съ каждымъ десятилѣтіемъ, ихъ популярность и значеніе болѣе полувѣка стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, но уже со второй половины XIII столѣтія начинается сначала медленное, а потомъ быстрое паденіе ихъ обществъ. Тутъ мы наталкиваемся на явленіе громаднаго историческаго интереса: я говорю объ учрежденіи францисканскаго и доминиканскаго орденовъ.

Идея, положенная въ основаніе устава этихъ орденовъ, та же, что руководила жизнью бегинскихъ общежитій: «живите въ мірѣ, помогайте больнымъ, слабымъ и голоднымъ, наставляйте на путь истины заблудшихъ, ходите изъ конца земли въ конецъ и поддерживайте пошатнувшуюся вѣру и нравственность». Словомъ, учрежденіе нищенствующихъ орденовъ было формальнымъ освященіемъ и признаніемъ со стороны оффиціального Рима той мысли, которая уже давно носилась въ воздухѣ и нашла себѣ впервые осуществленіе въ льежскомъ убѣжищѣ бегинъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Робинзонъ, францисканцы и доминиканцы обоюдо пола были тѣми же бегинами и бегардами, только находящимися подъ покровительствомъ церкви. Громадное историческое значеніе имѣютъ эти два ордена потому, что возникновеніе ихъ явилось результатомъ того же порыва альтруистическихъ, выстраданныхъ чувствъ, которому было обязано своимъ процвѣтаніемъ общество бегинъ, той же тоски по недостижимому идеалу, которая такъ характеризуетъ бегардовъ. Настоятельная нравственная потребность нашла себѣ удовлетвореніе въ средѣ самаго общества, инициатива частныхъ лицъ пошла навстрѣчу вѣяніямъ эпохи раньше, нежели католическая церковь приняла подъ свои крылья всю безчисленную массу людей,—стариковъ и юношей, дѣвушекъ и вдовъ,—которые были больны

болѣзнью вѣка,—раньше, нежели она дала имъ титулъ своихъ служителей. Это было уступкой со стороны Рима, отклоненіемъ отъ средневѣкового аскетическаго начала, безраздѣльно царившаго до тѣхъ поръ. Симеонъ столпникъ—представитель средних вѣковъ *par excellence*; Францискъ—человѣкъ переходнаго времени.

Истязайте свою плоть, спасайтесь отъ дьявольскихъ искушеній въ пещерахъ и подземельяхъ, все остальное суетно и ничтожно,—завѣщали умирающіе средніе вѣка. Идите въ міръ и помогайте, какъ и кому можете, говорила теперь сама церковь, освящая своимъ авторитетомъ дѣятельность францисканцевъ и доминиканцевъ. Какъ же сказалося учрежденіе нищенствующихъ орденовъ на судьбѣ бегинъ и бегардовъ? Робинзонъ совершенно правильно говоритъ, что оно отняло у свѣтскихъ братствъ большую долю ихъ прежняго авторитета; но почему это такъ случилось, читатель изъ разбираемой книги не узнаетъ. Самый фактъ указанъ вѣрно, однако, слѣдовало бы остановиться подольше на причинѣ, сдѣлавшей паденіе бегинизма только вопросомъ времени послѣ утвержденія устава новыхъ орденовъ. А причина эта была очень проста и страшна въ своей простотѣ для бегинъ и бегардовъ: ихъ стали замѣнять оффиціальныя ордена, они сдѣлались ненужны, существованіе ихъ потеряло тотъ глубокій внутренній смыслъ, который давалъ имъ жизнь и силу. Я указалъ, какіе нравственные стимулы лежали въ основѣ дѣятельности бегинъ, какія побужденія собирали по вечерамъ бѣдныхъ тружениковъ бегардовъ и заставляли ихъ размышлять и спорить до потери сознанія о такихъ вещахъ, которыя, повидимому, совершенно выходили изъ круга ихъ компетенціи, да и вообще, кажется, изъ области вопросовъ, подлежащихъ человѣческому разрѣшенію. Въ той или другой степени, подѣйствіемъ этихъ стимуловъ, находился всякій, хоть немного чуткій человѣкъ того времени; понятно, какъ могъ онъ относиться къ людямъ, которыхъ угнетало знакомое ему неспокойное состояніе духа и которые цѣною отреченія отъ прежнихъ условій жизни, цѣною самоотверженія пытались найти какой-нибудь исходъ. Сочувствіе, уваженіе, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже благоговѣйное удивленіе опредѣляли отношеніе общества къ бегинамъ и бегардамъ. Но вотъ являются новые нищенствующіе ордена; они дѣйствуютъ такъ же, какъ ихъ свѣтскіе предшественники, но они вдобавокъ еще и монахи; церковь имъ покровительствуетъ; если жизнь ихъ такъ же свята, какъ жизнь бегинъ и бегардовъ, то ихъ особа еще священнѣе... Церковь пошла по пути, уже проторенному общественнымъ движеніемъ, и на ея

новыхъ служителей сразу были перенесены тѣ чувства, которыя общество раньше питало къ людямъ, представлявшимъ собою плоть отъ плоти, кость отъ костей его. Не смотря на глубокою тревогу и неудовлетворенность, тоскующая душа чело-вѣка переходнаго времени никогда не отворачивалась отъ религіи съ ея утвержденными формами и понятіями,—и теперь, когда церковь пошла на встрѣчу его робко высказывавшимся желаніямъ, онъ съ удвоеннымъ чувствомъ любви и благодарности принялъ ея дѣйствія, забывая, что личными его усиліями создано все, о чемъ только теперь позаботилось римское духовенство. Отворачиваясь отъ бегинъ и бегардовъ для того, чтобы всю дань любви и уваженія отдать ихъ младшимъ по возрасту братьямъ нищенствующимъ монахамъ, чело-вѣкъ тринадцатаго столѣтія дѣйствовалъ подъ вліяніемъ слишкомъ хорошо извѣстнаго нравственнаго закона, заставляющаго насъ придавать гораздо большую цѣну хорошему поступку, если онъ сдѣланъ извѣстнымъ или болѣе близкимъ для насъ существомъ, чѣмъ если его совершителями являются люди, къ которымъ мы сравнительно равнодушны.

И такъ, появленіе орденовъ Франциска и Доминика подко-сило въ самомъ корнѣ возможность дальнѣйшаго процвѣтанія бегинъ. Но вѣдь ордена были утверждены въ 1216 году, а свѣтскія общежитія продержались еще въ теченіе всего XIII вѣка, да и въ XIV-мъ кое-что, хотя очень глухо, слышно о нихъ. Чѣмъ же это объяснить? Робинзонъ приписываетъ продолжительность агоніи бегинскихъ обществъ тому обстоятельству, что въ ихъ средѣ появилась пророчица Мехтильда Магдебургская. Сдѣлавъ такое предположеніе (вѣрнѣе, категорическое утвержденіе), авторъ сейчасъ же переходитъ къ разсказу о Мехтильдѣ. Если это утвержденіе не помѣщено просто въ видѣ прелюдіи къ слѣдующей главѣ, то положительно трудно понять, зачѣмъ оно высказа-но. Приписывать Мехтильдѣ роль возстановительницы репутаціи бегинъ нельзя, потому что ихъ репутація еще и не падала въ то время; утверждать, какъ это дѣлаетъ Робинзонъ, что Мехтильда продолжила жизнь бегинской ассоціаціи на лишнихъ тридцать лѣтъ,—еще менѣе позволительно, во-первыхъ, потому, что историческая жизнь бытовыхъ институтовъ регулируется существованіемъ и исчезновеніемъ въ обществѣ потребности въ нихъ и вовсе не зависитъ отъ появленія того или другого *dei ex machina*, а во-вторыхъ, потому, что всѣ такія точныя на видъ вычисленія производятъ въ области исторической науки непріятное впечатлѣніе чего-то неловкаго, понавшаго совсѣмъ не туда, куда слѣдовало; по большей части они не поддаются ни малѣйшей мотивировкѣ

и носить характеръ полнѣйшей произвольности. И такъ какъ Робинзонъ, дѣйствительно, ничѣмъ не мотивируетъ своего положенія, а просто его высказываетъ въ пяти строкахъ, то ничто не мѣшаетъ намъ счесть его за неудачное вступленіе къ главѣ, посвященной Мехтильдѣ, и самимъ обратиться къ характеристикѣ этой замѣчательной личности. Долгое же умираніе бегинизма, кажется, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что онъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни въ народной жизни и не могъ исчезнуть такъ быстро, какъ исчезаютъ всѣ искусственныя надстройки надъ социальнымъ зданіемъ.

IV.

Мехтильда (или Матильда) Магдебургская родилась въ 1212 году, въ замкѣ своихъ родителей, по всей вѣроятности, недалеко отъ Магдебурга. Въ семьѣ она была любимымъ ребенкомъ и мирно и счастливо прожила въ родительскомъ домѣ дѣтство и раннюю молодость. Она была знакома съ музыкой и съ стихотвореніями миннезингеровъ. Въ дѣтствѣ ея воображеніе питалось всевозможными сагами и преданіями о святыхъ, чудесахъ, ангелахъ и пр.— вотъ и все, что мы знаемъ объ этомъ первомъ періодѣ жизни Мехтильды и объ ея умственныхъ интересахъ въ дѣтствѣ. На двѣнадцатомъ году жизни съ нею приключился одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые изломали не мало жизней и исковеркали не одну чуткую и даровитую натуру: ей представилось, что ее посѣтилъ Св. Духъ. Трудно докапываться до истинной причины, породившей галлюцинацію: вѣдь мы ничего не знаемъ о физической организаціи Мехтильды, объ ея здоровьѣ въ первые годы жизни. Что же касается до самаго характера галлюцинаціи, то онъ всецѣло опредѣляется какъ временемъ, въ которое жила магдебургская визионерка, такъ и религіозной восторженностью, составлявшей ея личное достояніе съ малыхъ лѣтъ. Какъ я уже сказалъ, время это отмѣчено сильнымъ подъемомъ религіозныхъ чувствъ, тревожною чуткостью и тяготѣніемъ ко всему, касающемуся неба, и дѣйствительнымъ, непритворнымъ пренебреженіемъ къ мірскимъ дѣламъ. Предразсвѣтныя эпохи часто поражаютъ человѣческія массы страшной расшатанностью нервной системы; крѣпче прижимаются люди къ тому, съ чѣмъ скоро разстанутся, безсознательно обманываютъ себя для того только, чтобы не надо было бороться съ вѣковой инерціей мысли, чтобы вновь обрѣсти какъ-нибудь утраченное спокойствіе въ циклѣ идей, который такъ долго удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ нравственной природы и который все еще властно отстаиваетъ свои

права на безраздѣльное господство. Тринадцатый вѣкъ былъ положительно одною изъ такихъ эпохъ, и жизнь Мехтильды Магдебургской освѣщаетъ его съ этой стороны такъ же удовлетворительно, какъ дѣятельность св. Франциска. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ видѣнія; Мехтильда выросла и стала красивой, привлекательной и цвѣтущей дѣвушкой,—и вотъ на 23 году жизни въ ея душѣ созрѣваетъ желаніе, которое не покидало ее со времени галлюцинаціи,—оставить все и уйти куда глаза глядятъ. Если она въ теченіе одиннадцати лѣтъ боролась со своимъ влеченіемъ, то, главнымъ образомъ, изъ любви къ родителямъ, которыхъ она боялась убить уходомъ изъ дома. Но теперь, наконецъ, она рѣшилась и въ 1235 году тайно бѣжала въ Магдебургъ. Любопытна здѣсь одна черта, которую можно прослѣдить въ біографіи не только Мехтильды, но и другихъ, наиболѣе яркихъ представителей этого вѣка. Мехтильда уходитъ изъ родительскаго дома *безъ всякой определенной цѣли*. Ее влечетъ желаніе испытать всѣ муки, какія только можетъ представить человѣку щедрая на нихъ жизнь; но, кромѣ этого смутнаго, истерическаго желанія, ея будущій путь не освѣщенъ никакой руководящей мыслью. Она вовсе не стремится поступить въ монастырь и спасти тамъ свою душу,—нѣтъ. Если есть на свѣтѣ мѣсто, гдѣ живетъ еще труднѣе, гдѣ каждая минута приноситъ еще болѣе тяжелыя впечатлѣнія,—она пойдетъ туда. А пока она ушла только затѣмъ, чтобы разстаться съ любящими и любимыми родными и спокойной обстановкой жизни. Это неудержимое стремленіе къ самоистязанію, безцѣльному и безрезультатному, эта анонимная жажда страданій въ высшей степени характеристичны и для Мехтильды, и для ея времени. Не можетъ въ человѣческой душѣ родиться позывъ болѣе неестественный, чѣмъ желаніе мукъ *an und für sich*, и нельзя найти въ исторіи эпохи, когда бы этотъ позывъ прорывался наружу чаще, чѣмъ въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. И такъ, Мехтильда бѣжала въ Магдебургъ. Въ первый же вечеръ она очутилась тамъ въ очень печальномъ положеніи: денегъ съ собою она не взяла, а между тѣмъ надо было позаботиться о ночлегѣ. Она переходила отъ одного монастыря къ другому и всюду просила позволить ей переночевать. Магдебургъ въ тѣ времена вмѣщалъ въ себѣ безчисленное множество монастырей, но ни одинъ изъ нихъ не далъ Мехтильдѣ пристанища. Дѣвушка была совершенно одинока въ пустынныхъ улицахъ незнакомаго города. Она сознавала, что положеніе ея—трагическое; но, вѣдь, она затѣмъ и ушла сюда, чтобы ничего не знать, кромѣ страданій и ударовъ судьбы. Она увидѣла, что Провидѣніе съ первыхъ же шаговъ не противится этому намѣре-

нію, и тогда ея овладѣла безумная радость, радость фанатика, который видитъ, что самъ Богъ благопріятствуетъ исполненію ея желаній. Она направилась къ убѣжищу бегинъ, уже нѣсколько лѣтъ существовавшему въ Магдебургѣ, и постучалась тамъ въ дверь одного изъ домиковъ. Бегина, жившая въ этомъ домикѣ, впустила ее—и Мехтильда осталась въ убѣжищѣ. Тутъ начинается трудовая и полная тяжелыхъ испытаній жизнь Мехтильды, какъ члена бегинскаго общества. Къ этому же времени относятся ея первыя литературныя произведенія, вскорѣ сдѣлавшія имя новой бегини извѣстнымъ въ Магдебургѣ и во всей Германіи. Мехтильда писала стихотворенія, посвященныя, по большей части, видѣніямъ, которыя продолжали являться ей. Такъ, извѣстна ея поэма «Видѣніе ада», гдѣ Мехтильда, предвосхищая идею Данте, описываетъ мученія грѣшниковъ на томъ свѣтѣ. Но, кромѣ необыкновенной для того времени музыкальности стиха, ничѣмъ особеннымъ эти произведенія не блещутъ... Интересно лишь одно изъ нихъ, которое ясно показываетъ, какъ трудно человѣку исковеркать себя, даже при полномъ желаніи сдѣлать это, и въ какія уродливыя формы облакаются самыя естественныя чувства, если нормальный исходъ для нихъ закрытъ (см. стихотвореніе *Ich stürbe gerne von Minnen etc. Robinson, The End, 21. Preger—Geschichte der deutschen Mystic im Mittelalter*). Вотъ что еще нужно отмѣтить, какъ черту, которая исключительно свойственна Мехтильдѣ и которой она не раздѣляетъ ни съ кѣмъ изъ своихъ современниковъ: крайняя религіозная экзальтація, сообщающая мистическій колоритъ всей жизни Мехтильды, не мѣшаетъ ей обращать самое пристальное вниманіе на вопіющія безобразія, которыя творило тогда высшее и низшее духовенство. Дѣятельная натура Мехтильды прорывалась здѣсь сквозь всѣ наслоенія, которыя наложило на ея душу это трудное время. Въ этомъ отношеніи можно провести довольно близкую параллель между магдебургской пророчицей и Савонаролой, который также весь свой вѣкъ слышалъ райскія мелодіи и въ то же время не спускалъ глазъ съ плутней и продѣлокъ распутныхъ прелатовъ, монаховъ и папъ своей эпохи. Много и горячо пишетъ Мехтильда о томъ, что духовенство роняетъ себя всевозможными пороками, упорно настаиваетъ на необходимости нравственнаго исправленія, безпрестанно прорицаетъ, что скоро Богъ обрушитъ весь свой гнѣвъ на недостойныхъ слугъ своихъ. Когда нѣкоторые обиженные священники рѣшили сжечь непочтительное произведеніе бегини,— послѣдняя начала распространять слухъ, будто бы она слышала голосъ Бога, сказавшаго ей: «Не смущайся, истину никто не можетъ сжечь» («*Lieb' meine, betrübe dich nicht zu sehr, die Wahr-*

heit mag niemand verbrennen»). Устраняя мистическій элементъ, мы должны замѣтить, что Мехтильда — чуть-ли не первый человѣкъ въ Европѣ, сказавшій эту фразу, которая теперь уже стала триумфомъ, но заключаетъ, тѣмъ не менѣе, въ себѣ мысль, составляющую одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ результатовъ работы человѣческаго самосознанія. Робинзонъ прекрасно опредѣляетъ главную цѣль, руководившую Мехтильдою въ ея обличительной дѣятельности: она всѣмъ сердцемъ желала вернуть церковь къ нравамъ и идеаламъ первыхъ вѣковъ христіанства. Съ замѣчательною смѣлостью и непонятной безнаказанностью Мехтильда писала высшимъ іерархамъ и даже самому папѣ Клименту письма, въ которыхъ высказывала свое негодованіе по поводу жизни духовенства, не щадя при этомъ никого изъ виноватыхъ и не жалѣя яркихъ красокъ и безцеремонныхъ эпитетовъ. Авторъ разсматриваемой книги проходитъ мимо этого факта, не пытаясь даже выяснитъ истинную причину безпримѣрной кротости римскаго начальства по отношенію къ магдебургской грубіянкѣ. Мнѣ кажется, что отчасти эта загадка объясняется громадной популярностью бегины въ Германіи и нежеланіемъ папы вооружать нѣмецкое населеніе, и безъ того враждебно настроенное противъ святого отца послѣ предательской казни Конрадина. Но все же этотъ вопросъ требуетъ внимательнаго изслѣдованія. При Мехтильдѣ имя бегины сдѣлалось такимъ почетнымъ и любимымъ, какимъ оно не было ни до, ни послѣ нея. Магдебургская сестра положила всѣ свои огромныя нравственныя силы на цѣлый рядъ филантропическихъ подвиговъ, на безконечныя посты и молитвы, вызывавшіе галлюцинаціи слуха и зрѣнія, и на довольно обширную литературную дѣятельность, посвященную стихотворнымъ рассказамъ объ этихъ галлюцинаціяхъ. Наконецъ, и она устала; тридцать лѣтъ непрерывнаго, изнурительнаго труда и нервныхъ потрясеній утомили ее, и вотъ, на 53 году жизни она поступаетъ въ гельфтскій монастырь. Глубокій психологическій интересъ представляютъ колебанія Мехтильды предъ поступленіемъ въ монастырь. Странное сочетаніе въ ея характерѣ мистическихъ чертъ съ элементомъ дѣятельной любви проявляется какъ нельзя болѣе ярко въ этой нерѣшительности, въ этомъ нежеланіи оставить людей и уйти на покой. «Что же мнѣ дѣлать тамъ?»—въ тоскѣ спрашивала она, распростершись предъ распятіемъ, въ тяжелыя минуты борьбы, которыя должны были рѣшить судьбу ея остальной жизни. Но изможденное и безвременно одряхлѣвшее тѣло Мехтильды рѣшило вопросъ еще до конца этихъ душевныхъ волненій: старая бегина уже не могла странствовать безъ усталости по

городамъ и деревнямъ, не могла голодать по цѣлымъ днямъ и не спать ночей. Физическія силы ея были израсходованы, и спокойствіе стало для нея безусловно необходимымъ. Монастырь являлся единственнымъ убѣжищемъ для больной и дряхлой женщины.

Въ 1265 году Мехтильда была уже въ стѣнахъ гельфтскаго монастыря. Я не буду распространяться объ этомъ монастырѣ, представляющемъ собою очень любопытное явленіе средневѣковой жизни Германіи; замѣчу лишь, что очеркъ, посвященный ему въ книгѣ Робинзона, далеко не отличается исчерпывающей полнотой. Но къ вопросу о бегинахъ и бегардахъ гельфтскій монастырь прикосновененъ развѣ только потому, что тамъ окончила жизнь самая выдающаяся бегина тринадцатаго вѣка—Мехтильда. Слѣдовательно, здѣсь умѣстно будетъ лишь сказать, что этотъ монастырь славился своими святынями (Гертрудой и др.), что народъ относился къ нему съ благоговѣніемъ, что держались слухи о чудесахъ, творящихся за его оградой, о сношеніяхъ, непрекращающихся между самимъ небомъ и святыми отшельницами. Въ монастырѣ Мехтильда продолжала, въ сущности, дѣлать въ малыхъ размѣрахъ то дѣло, которому была отдана вся ея жизнь. Она ежедневно посѣщала монастырскій госпиталь, смотрѣла за чистотой и всячески старалась облегчать больнымъ ихъ страданія и скуку вынужденной праздности. Ее очень любили въ монастырѣ всѣ сестры, такъ же, какъ раньше за нее готовы были душу отдать ея подруги-бегины. Въ 1277 году она умерла черезъ 12 лѣтъ послѣ поступленія въ монастырь. Подробности жизни Мехтильды въ монастырѣ навсегда утеряны для насъ; можно только съ авторомъ разбираемой книги утверждать, что ее занимали тамъ вопросы текущей дѣйствительности больше, нежели это было въ обычаяхъ монастыря Гельфты. Если Мехтильду посѣщали галлюцинаціи, то про обитательницъ этого монастыря я прямо скажу, что онѣ только и жили въ мірѣ призраковъ, созданномъ и населенномъ ихъ больною фантазіей. Въ уединенныхъ кельяхъ Гельфты продѣлывались вещи, до того противуестественныя, до того болѣзненно дѣйствующія даже теперь на человѣка, знакомящагося съ ними, что я считаю лишнимъ затрагивать эту сторону дѣла. Монахини проводили свою жизнь въ трудно вообразимомъ состояніи почти непрерывнаго экстаза, поддерживавшагося искусственнымъ путемъ. Не проходило ночи безъ того, чтобы большую часть монастырскаго населенія не посѣтили галлюцинаціи, которыя затѣмъ рассказывались днемъ и возбуждали фантазію слушательницъ къ вечеру. Ни въ одномъ монастырѣ не было такой смертности, какъ здѣсь. Гельфтскія

монахини, большею частью молодыя, умирали отъ страшныхъ нервныхъ болѣзней, истерическихъ конвульсій, паралича и т. п. «Терзайте себя всеми способами», говорила святая Гертруда своимъ несчастнымъ послѣдовательницамъ: «вѣдь, когда вы умрете, у васъ не будетъ уже тѣла, чтобы страдать во славу Господа». Въ этомъ убѣжищѣ религіозной экзальтаціи, переходящей въ повальное помѣшательство, Мехтильда можетъ быть названа еще сравнительно нормальной женщиной: здѣсь она являлась носительницей идеи бегинъ, бегардовъ и нищенствующихъ монаховъ, идеи братской, активной любви; эта идея обходила тогда Европу и одушевляла тысячи и тысячи сердецъ; но въ гельфтскій монастырь, въ главную цитадель заоблачнаго мистцизма, она проникла только съ Мехтильдой и съ нею же тамъ умерла. Со смертью Мехтильды долгая агонія обществъ бегинъ и бегардовъ, начавшаяся еще при ея жизни, вступаетъ въ свой новый и острый фазисъ.

Въ 1274 году папа Григорій X подтвердилъ рѣшеніе латеранскаго собора, которымъ общество бегинъ объявлялось непризнаннымъ церковью, и съ тѣхъ поръ мы часто встрѣчаемся съ извѣстіями о частичныхъ или массовыхъ сожженіяхъ бегардовъ и бегинъ, о процессахъ, возбуждаемыхъ противъ нихъ по обвиненію въ ереси и т. д. Какъ я уже сказалъ, мозаичность и эклектизмъ ихъ ученій давали преслѣдователямъ полную возможность настаивать на существованіи связи между этими непризнанными обществами и положительно всеми еретическими движеніями, какія только безпокоили римскую іерархію въ концѣ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, тѣ черты мистическаго пантеизма, которыя рѣзче выступали въ хаотическомъ *credo* свѣтскихъ обществъ, сами по себѣ, служили поводомъ къ началію ожесточенныхъ преслѣдованій со стороны папской куріи. Въ XIV вѣкѣ бегардовъ смѣшиваютъ весьма часто съ либертинами, братьями свободнаго духа, фратричелліями и пр. Этотъ послѣдній періодъ жизни интересующихъ насъ обществъ отмѣченъ уже признаками внутренняго разложенія въ ихъ средѣ. Молодыя бегини города Майнца какъ-то *en masse* сошли съ пути добродѣтели, что и вызвало со стороны мѣстнаго архіепископа указъ, запрещающій поступленіе въ общежитіе бегинъ женщинамъ моложе сорока лѣтъ. И такіе случаи стали повторяться чаще и чаще. Понятно, какъ сильно должны были они дискредитировать все общество въ глазахъ населенія, тѣмъ болѣе, что духовенство прилагало все старанія, чтобы всякій скандальный слухъ о преслѣдуемыхъ бегинахъ и бегардахъ получилъ самое широкое распространеніе. Помимо исчезновенія прежняго нравственнаго ригоризма, послѣд-

ная эпоха существованія свѣтскихъ обществъ характеризуется еще необычайнымъ усиленіемъ бродяжничества и нищенства между ихъ членами. Бегины и бегарды странствуютъ изъ города въ городъ, просятъ милостыню, причемъ нерѣдно останавливаются на улицѣ или дорогѣ и начинаютъ неистово вопить и выкликать, совершенно основательно полагая, что этимъ способомъ они соберутъ гораздо больше денегъ, нежели только протягиваніемъ руки и бормотаніемъ молитвъ.

Въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка мнѣніе о нихъ уже составлено: для духовенства—они еретики, подлежащіе искорененію, для свѣтскихъ лицъ—юродивые, или притворяющіеся таковыми. Тутъ необходимо оговориться: быть юродивымъ въ средніе вѣка значило имѣть возможность получать въ изобиліи пищу и питье, возбуждать благоговѣніе окружающихъ, обирать богомольныхъ стариковъ и старухъ, словомъ, устроить себѣ не житье, а вѣчную масляницу. Но всѣ эти земныя блага сыпались исключительно на юродивыхъ правовѣрныхъ, а вовсе не на такихъ, которые имѣли несчастіе навлечь на себя несмываемое подозрѣніе въ ереси. А между тѣмъ, бегарды и бегины именно попали въ сомнительное и незавидное положеніе юродивыхъ - еретиковъ. Вотъ что помѣшало имъ затеряться въ безчисленной массѣ юродствующихъ странниковъ, которыми въ то время кишѣли всѣ большія дороги и города Германіи и Фландріи; вотъ что безпрестанно обрушивало на нихъ всѣ кары, какія только находились въ распоряженіи папъ. Въ 1310 году на церковномъ соборѣ о бегардахъ говорилось, какъ о лѣнтяяхъ, бѣгущихъ отъ честнаго труда, какъ о лжетолкователяхъ евангелія, непризнанныхъ церковью; въ слѣдующемъ году папа Климентъ V объявилъ общество бегинъ закрытымъ.

Хотя этотъ приговоръ умѣрялся и смягчался впоследствии, но послѣ 1311 года мы вправѣ говорить о бегинахъ лишь какъ о разсѣянныхъ единицахъ, но не какъ объ ассоціаціи. Множество бегинъ поступило еще до папскаго приговора, а въ особенности послѣ него, въ монахини францисканскаго и доминиканскаго орденовъ. Такъ, всѣ фламандскія общежитія примкнули къ францисканскому ордену, а бегины и бегарды Страсбурга приняли обѣтъ доминиканцевъ. Хропики XIV вѣка переполнены извѣстіями о казняхъ бегардовъ и бегинъ. Имъ оставалось или стараться всячески скрыть свою принадлежность къ обществу, или поступать въ монастырь. Но скрыть свое званіе было немислимо потому, что всякій нищенствующій странникъ, если онъ не оказывался францисканцемъ, доминиканцемъ или кармелитомъ, тѣмъ самымъ уличался въ принадлежности къ преступ-

ному братству; не мудроно поэтому, что начало XIV вѣка ознаменовано массовыми присоединеніями членовъ обществъ къ орденамъ францисканцевъ и доминиканцевъ, имѣвшимъ такъ много общаго по своей дѣятельности и происхожденію съ общежитіями бегинъ и кружками бегардовъ. И замѣчательное дѣло! Слитіе бегинъ и бегардовъ съ нищенствующими орденами не проходитъ безслѣдно; ортодоксальная догма принимаетъ пантеистическую окраску, и формула «Deus est omnia»—Богъ есть все, входитъ въ католическіе монастыри и внѣдряется тамъ. Представителемъ новыхъ теченій въ церковной жизни, носителемъ туманныхъ пантеистическихъ взглядовъ XIV вѣка является доминиканецъ Экгардтъ. Рамки настоящаго очерка не позволяютъ остановиться подольше на этой замѣчательной личности, которая воплощаетъ въ себѣ по моему все умственное движеніе въ церкви первой половины XIV столѣтія. Экгардтъ былъ человѣкъ съ смѣлымъ умомъ, съ широкимъ размахомъ мысли и фантазіи, человѣкъ, руководившійся въ своей дѣятельности тѣмъ тревожнымъ исканіемъ истины, которое не давало покою всѣмъ мыслящимъ и глубоко-чувствующимъ людямъ эпохи. Родись Экгардтъ въ другое время, онъ могъ бы стать очень замѣтнымъ двигателемъ общественнаго самосознанія, но тотъ вѣкъ осуждалъ человѣка съ его головою и сердцемъ на бесплоднѣйшія умозрѣнія и на увлеченіе одною изъ эксцентрическихъ сектъ. Экгардтъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ общеніи съ бегинскими ассоціаціями Страсбурга, примкнувшими къ доминиканскому ордену. Среди страсбургскихъ сестеръ была одна, которая, кажется, имѣла на Экгардта рѣшительное вліяніе, какъ своими убѣжденіями, такъ, въ особенности, проведеніемъ ихъ въ жизни. Это была сестра Катерина. Въ Мехтильдѣ мы видѣли самое полное олицетвореніе идеи бегинизма: дѣятельная любовь и безпредѣльное мистическое пареніе такъ неразрывно были слиты въ ней, что, дѣйствительно, Мехтильду нужно признать лучшей и наиболѣе яркой представительницей всего движенія. Ее выгнала изъ дому та истерическая потребность страданія, которая въ ея время поселялась во многихъ нервныхъ и впечатлительныхъ натурахъ. Но въ бегинизмѣ магдебургская сестра нашла душевное успокоеніе не потому, чтобы онъ удовлетворилъ этой потребности: очень скоро жажда безцѣльныхъ мукъ стала терять свою интенсивность и, наконецъ, исчезла окончательно, уступивъ мѣсто желанію забыться въ неутомимой филантропической дѣятельности. Мехтильда нашла свою дорогу и отдохнула отъ бесплодной погони за призраками, которая терзала ея душу въ ранней молодости. Жизнь Мехтильды отнюдь не была нормальной; но будь она нор-

мальна, Мехтильда не была бы типичной представительницей большого вѣка. Ея громадныя силы ушли на сравнительно маленькое дѣло, но точку приложенія этихъ силъ не легко было и найти въ ту эпоху. Мехтильда—женщина съ бурной волей, съ лихорадочно работающей головой; она переживаетъ всѣ душевныя грозы, достигающія въ удѣлъ передовымъ людямъ труднаго историческаго момента, и выходитъ изъ нихъ побѣдительницей: ея путь спасенія обрѣтенъ, и она не свернетъ съ него до могилы. Что же касается до сестры Екатерины, то она живетъ и дѣйствуетъ въ періодъ паденія бегинизма; она только случайно сдѣлалась бегиней и стоитъ въ исторіи этого общества совершенно особнякомъ; органически она ничѣмъ не связана съ идеей, легшей въ основаніе движенія. Екатерина такъ рѣзко отличается отъ Мехтильды, что можетъ быть названа прямою противоположностью ей. Екатерина—фанатикъ-аскетъ *pur sang*, не знающій и не желающій знать никакихъ компромиссовъ въ дѣлѣ умерщвленія плоти. Въ этой безумной войнѣ челоуѣка со своимъ тѣломъ вы не найдете ни одного перемирія, ничего, кромѣ тупого, безогляднаго мучительства. Екатерина не признавала для людей другого достойнаго занятія, кромѣ борьбы съ грѣховными побужденіями, и не находила для этой борьбы лучшаго орудія, чѣмъ физическія страданія.

Но муки добровольнаго голода, удары плети, долгія прогулки въ легкой одеждѣ въ морозныя ночи по улицамъ—уже не удовлетворяли ея. Она отправилась скитаться по бѣлу свѣту въ одномъ платьѣ, безъ гроша денегъ. Что она дѣлала надъ собой въ продолженіе этихъ скитаній—не знаетъ ни одна челоуѣческая душа; но когда Екатерина вернулась въ Страсбургъ, то ея уже никто не узналъ, и она перестала узнавать даже своихъ несчастныхъ родителей. По цѣлымъ днямъ она лежала на каменномъ полу собора, и только конвульсіи бороздили ея тѣло, только глухое бормотаніе пугало подходившихъ къ ней. Теперь Екатерина достигла всего, что, какъ далекій маякъ, свѣтило ей, когда она только начинала спасать свою душу: она была свободна, ничто не приковывало ее къ постылому міру—въ своемъ воображеніи она слилась съ божествомъ. Какъ-то разъ страшныя припадки катаlepsii усилились; вскорѣ она перестала дышать. Всѣ подумали, что женщина умерла и собрались хоронить ее, какъ вдругъ Экгартъ замѣтилъ, что она еще жива. Онъ подошелъ къ ней. «Теперь ты удовлетворена?» спросилъ ее домиконецъ. «Теперь я удовлетворена», отвѣтила Екатерина. Оказалось, что Экгартъ помѣшалъ ей: она хотѣла быть похороненной заживо. Такова была сестра Екатерина. Ясно, что она всецѣло принадлежитъ среднимъ вѣ-

камъ, и что переходное время развѣ только сказалось на ней въ пантеистическомъ характерѣ ея мистическихъ грезъ. Формула: Богъ есть все—заключаетъ въ себѣ религіозныя убѣжденія Екатерины такъ же, какъ и другихъ пантеистовъ XIV вѣка. Пантеистическая доктрина, столь характеристичная для этой послѣдней эпохи бегинизма, распространилась между образованными клириками черезъ посредство нищенствующихъ орденовъ, Экгардта и другихъ проповѣдниковъ. Бегины и бегарды передали скудное теоретическое наслѣдство своей неумолимой преслѣдовательницѣ—католической церкви, и затѣмъ исчезли, не оставивъ никакого замѣтнаго слѣда. Екатерина—послѣдняя выдающаяся, хотя во все не типичная бегина. Дальнѣйшая судьба ихъ уже не представляетъ никакого интереса: въ концѣ первой половины XIV вѣка они извѣстны только, какъ надоѣдливые нищѣ, которыхъ ловятъ и сжигаютъ за ихъ безбожную ересь. Но чѣмъ дальше къ концу этого столѣтія, тѣмъ глуше и неопредѣленнѣе дѣлаются извѣстія о бегинахъ и бегардахъ, да и то хроники брзпрестанно называютъ ихъ именемъ то братьевъ свободного духа, то впоследствии лол-лордовъ, то другихъ еретиковъ. Въ XV вѣкѣ рѣдко-рѣдко проскользнетъ это забытое названіе и напомнитъ объ отошедшей въ вѣчность пантеистической ереси и ея послѣдователяхъ. Но не въ пантеизмѣ бегинъ и бегардовъ дѣло; повторяю, не онъ интересенъ для историка; важенъ самый фактъ существованія свѣтскихъ обществъ, какъ порожденія своей эпохи. Книга Робинзона тѣмъ и хороша, что лишній разъ говоритъ объ этихъ странныхъ ассоціяхъ, забытыхъ, кажется, самою наукою, обязанной все помнить. Кромѣ трудовъ Мосгейма, Шмидта и Прегера, положительно нельзя назвать ни одной работы, которая была бы посвящена бегинамъ и бегардамъ. Даже такая во всѣхъ отношеніяхъ цѣнная монографія, какъ *L'eresia nel medio evo*, Феличе Токко ¹⁾,—не обмолвилась ни однимъ словомъ объ этомъ замѣчательномъ явленіи средневѣковой жизни. Этюдъ Робинзона чуть-ли не первое изслѣдованіе о бегинизмѣ въ англійской исторической литературѣ. Можно было бы сказать, что онъ написанъ вполне удачно, еслибы не разбросанность въ изложеніи и слишкомъ слабое и неполное освѣщеніе среды, гдѣ дѣйствовали бегины и бегарды, и эпохи, когда они жили. Описывать движеніе бегинъ и бегардовъ, не разсмотрѣвъ подробно окружающихъ историческихъ условій,—трудно и бесполезно: оно останется непонятнымъ для современнаго читателя, которому, можетъ быть, нечуждо чувство раздвоенности и неудовлетворенности, волно-

¹⁾ *L'eresia nel medio evo*, studi di Felice Tocco. Firenze, 1884.

«новое слово», № 4, о. п. 1896.

вавшее первыхъ бегинъ и бегардовъ, но который слишкомъ далекъ и отъ ихъ наивныхъ взглядовъ, и отъ ихъ эксцентрическихъ поступковъ. Но кто внимательно будетъ изучать эпоху конца среднихъ вѣковъ, тотъ навѣрное съ любопытствомъ остановится предъ этимъ оригинальнымъ явленіемъ, тотъ разглядитъ скрытыя пружины, выдвинувшія на поверхность европейской исторической жизни бегинъ и бегардовъ, пойметъ ихъ лихорадочные поиски за истиной, оцѣнитъ ихъ идейныя стремленія, повѣритъ согрѣвавшимъ ихъ альтруистическимъ чувствамъ,—и невольно пожалѣетъ о многочисленныхъ жертвахъ этой давно промчавшейся надъ человѣчествомъ душевной бури.

Евг. Тарле.

Кіевъ, 20 сентября 1895 г.